

быть, уже как вступление к житию Александра Невского), но взял из него лишь немного, ибо его литературное направление и его словарь совершенно не сходились с дружинным памятником XIII в.

В 1475 г. в Кирилло-Белозерском монастыре монахом Ефросимом (позднее игуменом монастыря) была записана неполная версия «Слова о Куликовской битве» Софония Рязанца, получившая здесь название «Задонщины». ⁶⁰ В этой редакции в текст Софония вставлены несколько слов из нашего памятника: «к Железным вратам, к Риму, до черемисы, до чахов, до ляхов, до устюга поганых татар, за дышущеем морем». Мы уже высказали предположение, что монастырский писец мог записать «Задонщину» от гусяря (белозерских князей), забывшего конец «Задонщины», но знавшего наизусть «Слово о погибели» и довольно неумело вставившего из него несколько выражений в сказание о Куликовской битве.

Гораздо больше заимствований из «Слова о погибели» в «Родословце русских князей», составленном в начале XVI в., во всяком случае до Степенной книги. Как уже отмечалось, сама Степенная книга не обнаруживает прямого заимствования из «Слова»: она пользовалась текстом «Родословца». ⁶¹ Именно к «Родословцу», а не к Степенной книге восходит и заимствование в «Сказании о начале московского рода» Каменевича-Рвовского, около 1665 г. Оно также перечисляет данников Руси: «угры, чехи, ляхи, ятвяги, литва, немцы, чюдь, корела, устюг, болгары двои, буртасы, черкасы запорожские, мордва, черемисы, половцы», а затем говорит: «литва вся убо тогда бояхуся и из лесов вон вынитца (выницати), татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношашеся и не именовашеся». ⁶² По этому смешению соседей и данников Руси и особенно по упоминанию «двоих болгар» и черкас видно, что Каменевич-Рвовский имел перед собой «Родословец», а самого «Слова о погибели» и не читал даже в виде вступления к житию Александра Невского.

* *
*

Д. С. Лихачев правильно указал на некоторое тематическое и стилистическое сходство между текстом Ипатьевской летописи под 1201 (неверным) годом и «Словом о погибели». Он напомнил, что, как выяснил Л. В. Черепнин, Ипатьевская летопись с 1202 по 1250 г. заключает в себе житие Даниила Галицкого, которое не было разделено на погодные даты и начиналось с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и былому могуществу Русской земли. Характерно, что это вступление к жизнеописанию Даниила многими чертами напоминает «Слово о погибели», которое также носит характер своеобразного лирического вступления к житию Александра. Действительно, оба текста говорят главным образом о славе Мономаха и о страхе, который он нагнал на врагов Руси, и в первую очередь на половцев. ⁶³ Но надо обратить внимание на следую-

⁶⁰ Сборник писан в разное время, но на л. 137 находится запись: «в лето 6984 сентября 18 в неделю почах писати», перед «Хождением» Даниила игумена. «Задонщина» находится на лл. 122—128; можно считать, что она была переписана до сентября 1475 г. (Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение... М., 1891, стр. 9—20; Jan Fgček. Zadoňstina. Praha, 1948, стр. 159).

⁶¹ Сравнение текстов сделано нами на стр. 105 настоящей статьи.

⁶² Текст Каменевича-Рвовского приведен в сокращении И. Н. Ждановым (И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 95, прим. «а»).

⁶³ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 47.